

ПЕРЕЧЕНЬ
1945 г.
ПЕРЕЧЕНЬ
1949 г.

62
66

157

П. Сергѣенко.

928
m 53

Какъ жить и работаетъ

гр. Л. Н. Толстой.

Издание второе, съ новыми иллюстраціями, дополненное и исправленное.

63674

Отдѣл. тип. Т-ва И. Д. Сытина, Петровка, домъ Обибиной.
Москва.—1903.

I.

Зимой 1892 года, часовъ около четырехъ дня, я сидѣлъ у моихъ знакомыхъ А-выхъ, пріѣхавшихъ наканунѣ въ Москву изъ своего южнаго имѣнія. Кромѣ меня было еще нѣсколько человѣкъ гостей, сидѣвшихъ за чайнымъ столомъ и оживленно бесѣдовавшихъ объ одномъ изъ послѣднихъ произведеній Льва Толстого.

На дворѣ моросилъ снѣгъ, и въ комнату начали надвигаться сумерки.

Въ самый разгаръ бесѣды въ комнату вошелъ средняго роста худошавый старикъ, съ типическимъ лицомъ русскаго крестьянина. Онъ былъ въ овчинномъ полушубкѣ и валенкахъ. Пришедшій сказалъ «здравствуйте» и, снявъ съ головы войлочную шапку, началъ распутывать на шеѣ шерстяной шарфъ.

Отъ стола, за которымъ мы сидѣли, было видно плохо до двери, и А-вы съ любопытнымъ недоумѣніемъ вглядывались въ пришедшаго.

Вдругъ лицо хозяйки оживилось радостью, и она сказала нараспѣвъ:

— Левъ Николаевичъ! Здравствуйте...

Всѣ поднялись.

Это былъ гр. Л. Н. Толстой.

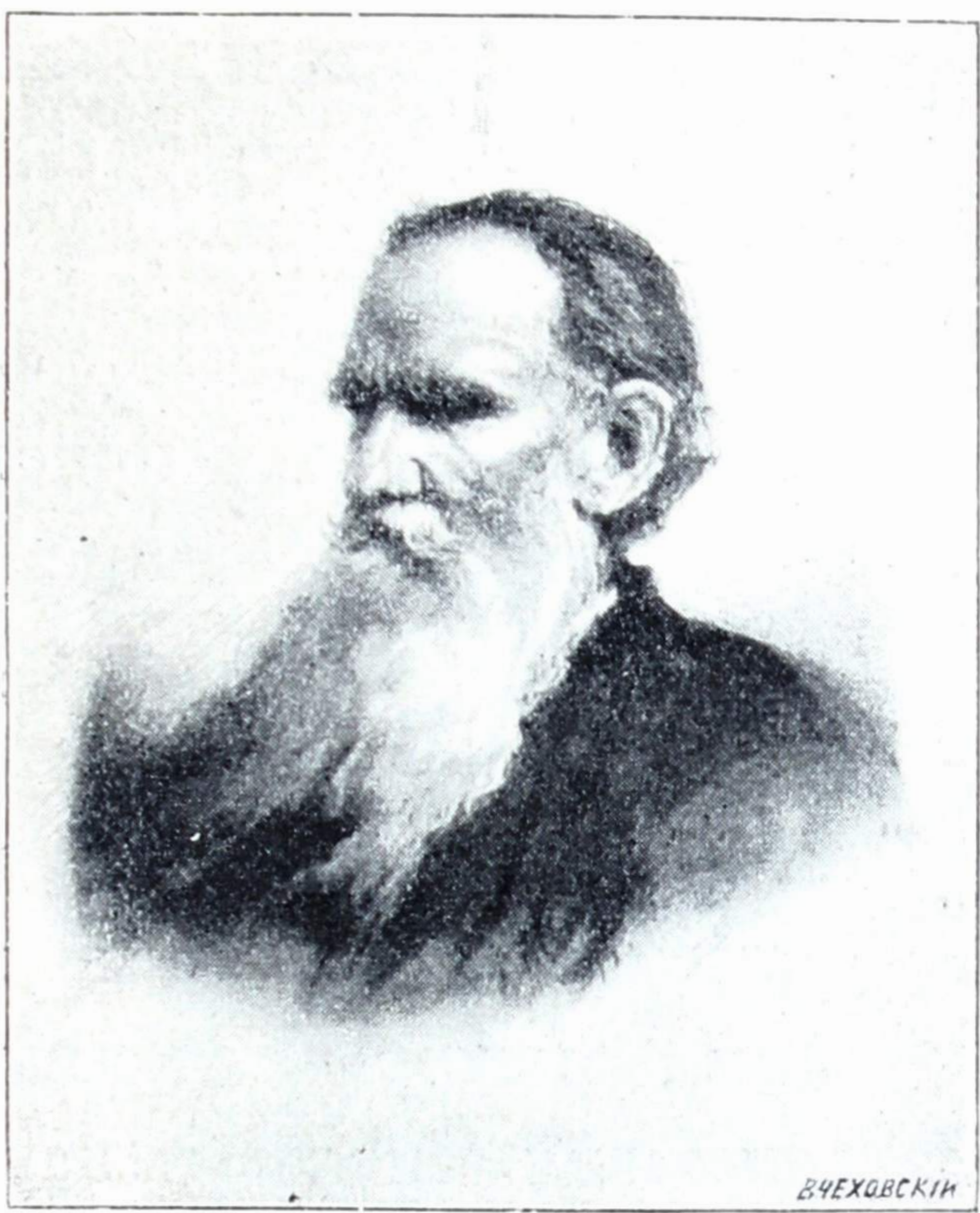
Онъ развязалъ шарфъ и быстрымъ, молодымъ движеніемъ скинулъ съ себя полушубокъ, отыскивая острыми глазами, гдѣ бы его положить.

Я впервые видѣлъ Л. Н. Толстого и невольно приковался къ нему взглядомъ. Онъ былъ въ темно-сѣрой фланелевой блузѣ съ отложнымъ просторнымъ воротомъ, открывавшимъ при поворотахъ головы жилистую шею. Отъ быстрой ходьбы на морозномъ воздухѣ онъ дышалъ учащенно, и его сѣдые волосы спутались на вискахъ влажными космами. Онъ имѣлъ бодрый, оживленный видъ, держался прямо и двигался быстрыми, мелкими шагами, почти не сгибая колѣнъ, что напоминало движенія человека, скользящаго по льду. Онъ казался не моложе и не старше своихъ лѣтъ (тогда ему было 64 г.) и производилъ впечатлѣніе хорошо сохранившагося, энер-

гичнаго крестьянина. И лицо у него было крестьянское: простое, деревенское, съ широкимъ носомъ, обвѣтренной кожей и густыми нависшими бровями, изъ-подъ которыхъ зорко выглядывали синевато-сѣрые, острые глаза.

Но выраженіе глазъ его было необыкновенно и невольно привлекало вниманіе. Въ нихъ какъ бы сконцентрировались всѣ яркія особенности толстовской личности. И кто не видѣлъ, какъ вспыхиваютъ и загораются эти глаза, какъ они пріобрѣтаютъ вдругъ какой-то сверлящій и пронизывающій характеръ, тотъ

Съ портрета работы Н. Левицкаго
(1895 г.).

Съ портрета, рисован. гр. Тат. Л.
Толстой (1896 г.).

не можетъ имѣть полнаго представленія о личности Л. Н. Толстого.

Большинство портретовъ хотя и довольно вѣрно передаетъ его типическія черты, и по нимъ сразу можно узнать Л. Н. Толстого, но ни одинъ изъ нихъ, однако, не даетъ яркаго понятія о сердцевинѣ его личности, не передаетъ тѣхъ, скрытыхъ въ человѣкѣ свѣтовыхъ источниковъ, которые, отражаясь въ извѣстные моменты на лицѣ, окрашиваютъ его свѣтомъ внутренней жизни. Недостатокъ этотъ на портретахъ Л. Н. Толстого долженъ быть занесенъ отчасти и на его счетъ. По свойствамъ своей живой, нервной, нетерпѣливой натуры онъ представляетъ трудную задачу для художника. Художникъ

долженъ *носить въ себѣ* извѣстное запечатлѣнное выраженіе, а не искать его еще разъ во время самой работы.

Повѣсивъ полушубокъ, Л. Н. Толстой направился къ намъ и началъ здороваться. Несмотря на его скромную одежду, въ Львѣ Николаевичѣ сейчасъ же чувствовался, однако, чловѣкъ высшаго круга: хорошо воспитанный, съ выработанными, непринужденными манерами.

Съ портрета раб. Н. Ярошенко (1894 г.).

Насъ познакомили.

Л. Н. Толстой слегка наклонился, какъ бы стараясь вглядѣться въ лицо, и сказалъ мягко:

— Вы извините меня, что я не отвѣтилъ вамъ ничего по поводу присланной вами статьи вашей.

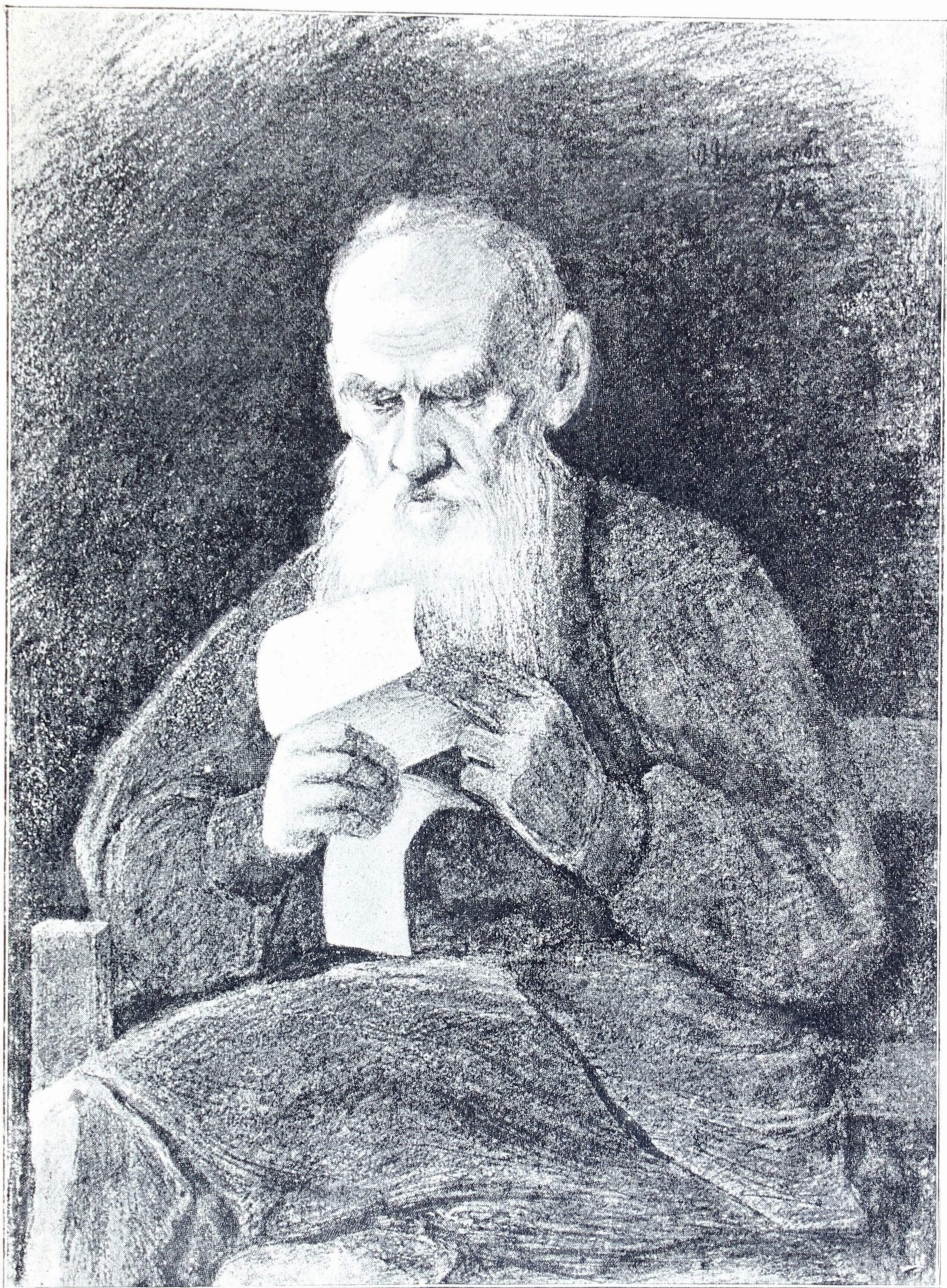
Предъ этимъ за нѣсколько мѣсяцевъ я послалъ Л. Н. Толстому мою статью объ одномъ священникѣ, который проповѣдями искоренялъ въ народѣ пьянство.

При этомъ я написалъ Льву Николаевичу нѣсколько строкъ о симпатичной личности священника. Меня пріятно удивило, что онъ

не забылъ при своихъ обширныхъ занятіяхъ ни моего ничтожнаго труда ни моей фамиліи. И я сказалъ:

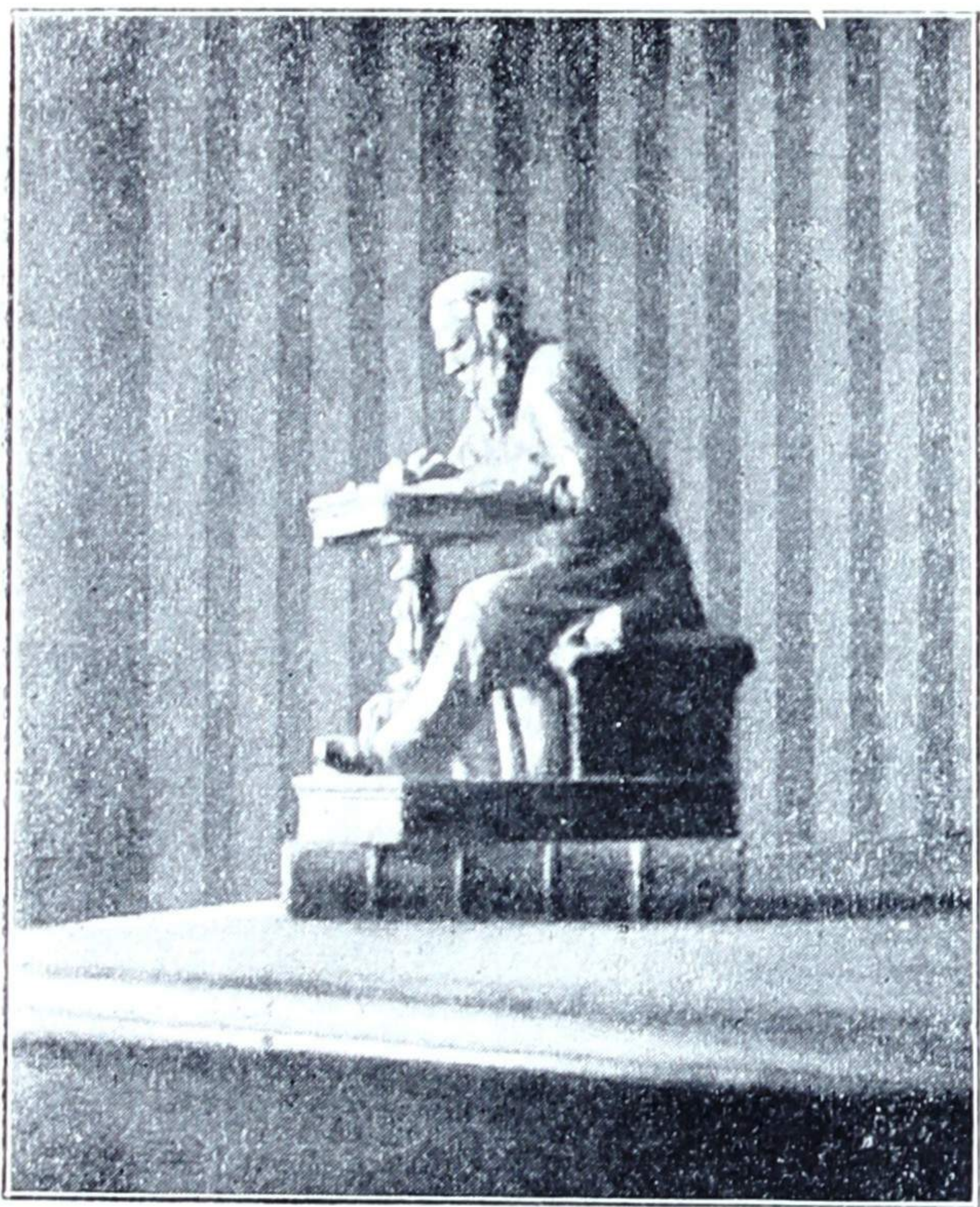
— Вѣроятно, у васъ были причины на это.

— Да, да, вы правы,—отвѣтилъ онъ, садясь и указывая мнѣ мѣсто около себя.—По вопросу, который вы затронули въ вашей статьѣ, надо говорить очень много. Времени же у меня тогда не было, и я рѣшилъ по пріѣздѣ въ Москву какъ-нибудь зайти къ вамъ и побесѣдовать.

Съ портрета, рисов. Ю. И. Игумновой (1901 г.).

И, взявши въ руку лежавшій на столѣ карандашъ и быстро завертѣвъ его въ своихъ пальцахъ, Левъ Николаевичъ свободно заговорилъ о томъ, что меня тогда наиболѣе интересовало. Говорилъ онъ непринужденно, дѣльно и образно, тѣмъ же богатымъ колоритнымъ языкомъ, какимъ пишетъ, легко аргументируя и легко разбираясь въ самыхъ сложныхъ положеніяхъ. Возражать ему было трудно. Въ его распоряженіи находился какъ бы цѣлый арсеналъ яркихъ, смѣлыхъ, оригинальныхъ и совершенно неожиданныхъ аргументовъ съ мѣткими сравненіями и юмористическими вставками, вызывавшими невольный смѣхъ. Но съ нѣкоторыми изъ его положеній я все-таки ни-

Л. Н. Толстой.

Статуэтка раб. И. Гинцбурга (1891 г.)
 какъ не могъ согласиться и пробовалъ возражать. Онъ, не переставая вертѣть карандашъ, налету разбивалъ мои возраженія и поспѣшно выдвигалъ свои, отличавшіяся находчивостью, силою и страстностью. Разговоръ, наконецъ, сдѣлался общимъ и перешелъ на другія темы. Гостиничный слуга принесъ кипѣвшій самоваръ. Г-жа А-ва предложила Льву Николаевичу чаю. Но онъ категорически отказался и бросилъ недружелюбный взглядъ на батарею банокъ съ вареньемъ, стоявшихъ на столѣ; затѣмъ перенесъ свой взглядъ на привѣтливое лицо хозяйки, и его суровыя черты смягчились. Онъ дружескимъ тономъ заговорилъ объ ея работахъ изъ шерсти (во время бесѣды она приготавливала пряжу) и о вегетарианской кухнѣ, которую А-ва проектировала устроить въ Москвѣ. Встрѣтившись съ моимъ взглядомъ, Левъ Николаевичъ началъ говорить о преимуществахъ растительной пищи и совѣтовалъ мнѣ перестать ѣсть мясо; потомъ онъ обратился къ А-ву по поводу новыхъ вѣяній въ области права (А-въ—юристъ-теоретикъ, погруженный въ юридическія науки), затѣмъ постепенно заговаривалъ съ каждымъ изъ присутствующихъ о томъ, что

наиболѣе интересовало ихъ, видимо боясь, какъ бы не пропустить кого-нибудь своимъ вниманіемъ.

Рѣчь зашла объ одномъ изъ его сыновей, который въ то время подыскивалъ себѣ имѣніе для покупки. Одинъ изъ присутствующихъ сказалъ:

— Левъ Николаевичъ, скажите вашему сыну, когда онъ остановится на какомъ-нибудь имѣніи, чтобы онъ обратился ко мнѣ. Я дамъ ему необходимыя указанія, иначе онъ можетъ надѣлать своего рода глупостей...

Л. Н. Толстой сдвинулъ плечами.

— Зачѣмъ мѣшать ему? Чѣмъ больше онъ надѣлаетъ глупостей, тѣмъ для него же лучше.

Я не понялъ смысла этихъ словъ и спросилъ:

— Почему же для него это будетъ лучше?

— Потому, что чѣмъ онъ раньше набьетъ оскомину на имѣніяхъ и убѣдится, наконецъ, на личномъ опытѣ, что ничего хорошаго изъ этого не выходитъ, тѣмъ скорѣе придетъ къ пониманію того, что землю можно имѣть только тому, кто самъ обрабатываетъ ее.

— Хорошо, если такъ выйдетъ, — замѣтилъ я. — Но не всегда неудачи ведутъ насъ прямо къ истинѣ. Иногда онѣ только озлобляютъ человѣка и искажаютъ его характеръ.

Изъ-подъ сѣдыхъ нависшихъ бровей Л. Н. Толстого сверкнулъ острый взглядъ.

— Мой сынъ находится не на такой дорогѣ, — отрывисто произнесъ онъ.

И мнѣ показалось, что между нами надвинулась какая-то тѣнь.

Исчерпавъ вопросъ о покупкѣ имѣнія, Левъ Николаевичъ положилъ карандашъ на столъ и сложилъ руки — пальцы между пальцами. Его нависшія брови опустились еще ниже и лицо приняло замкнутое выраженіе. Бесѣда, видимо, утомила его, и онъ только изъ учтивости дослушивалъ своего собесѣдника. Когда тотъ кончилъ, Л. Н. спросилъ, который часъ, и поднялся.

Но предъ его уходомъ произошелъ характерный эпизодъ. Въ разговоръ съ однимъ изъ присутствующихъ Л. Н. упомя-

нулъ объ извѣстной книгѣ Берты Суттнеръ — *Долой оружіе!* и сказалъ:

— Вы, конечно, читали эту книгу?

Собесѣдникъ утвердительно кивнулъ головою. Но, должно-быть, его начала мучить совѣсть, что онъ сказалъ неправду Льву Толстому, и, замаявшись, онъ пробормоталъ:

— Левъ Николаевичъ, содержаніе книги *Долой оружіе!* мнѣ дѣйствительно извѣстно... но самой книги я еще не читалъ.

Л. Н. Толстой замялъ разговоръ и началъ прощаться. Но мнѣ показалось, что его очень тронуло признаніе собесѣдника, и онъ вполне оцѣнилъ значеніе побѣды, которую тотъ одержалъ надъ собою.

Надѣвъ полушубокъ, Левъ Николаевичъ плотно застегнулся и, оправившись по-крестьянски—движеніемъ плечъ, началъ надѣвать и хватить подаренныя ему г-жой А-вой варежки изъ козьей шерсти; затѣмъ сдѣлалъ общій поклонъ и ускореннымъ шагомъ вышелъ изъ комнаты.

Онъ спѣшилъ домой, къ обѣду, и ему надо было пройти нѣсколько верстъ до Долго-Хамовническаго переулка, что на Дѣвичьемъ полѣ. На извозчикахъ Л. Н. не любитъ ѣздить и прибѣгаетъ къ нимъ только въ исключительныхъ случаяхъ.

Съ гипсового бюста работы
И. Рѣпина (1891 г.).

II.

Черезъ недѣлю послѣ моей первой встрѣчи съ Л. Н. Толстымъ я воспользовался его приглашеніемъ и часовъ около восьми вечера поѣхалъ вмѣстѣ съ А-выми въ Долго-Хамовническій переулокъ, гдѣ зимою живутъ Толстые. Они занимали отдѣльный двухъэтажный деревянный домъ, принадлежавшій тогда одному изъ сыновей Льва Николаевича, графу Льву Львовичу.

Небольшой двухъэтажный особнякъ, къ которому мы подѣхали, стоялъ во дворѣ и выдѣлялся темною массой на бѣловатомъ фонѣ стариннаго сада, усыпаннаго инеемъ. Внѣшняя парадная дверь и вторая съ тугой упругой пружиной не были закрыты. По невѣдѣнію я оставилъ эту дверь, и она произвела оглушительный стукъ, на который вышелъ учтивый лакей во фракѣ и началъ снимать съ насъ верхнее платье.

А-вы отчасти знали порядки въ домѣ Толстыхъ и думали, что въ этотъ вечеръ, кромѣ насъ, никого не будетъ.

Но въ прихожей на вѣшалкѣ было много верхняго платья, а справа, на коникѣ и на подзеркальникѣ, пестрѣли всякаго рода шапки, шапочки и форменныя фуражки. Слуга учтиво спросилъ насъ, къ кому мы пожаловали—къ графу или графинѣ.

А-вы заявили, что къ графу. Слуга доложилъ о насъ и черезъ минуту вернулся съ приглашеніемъ отъ графа.

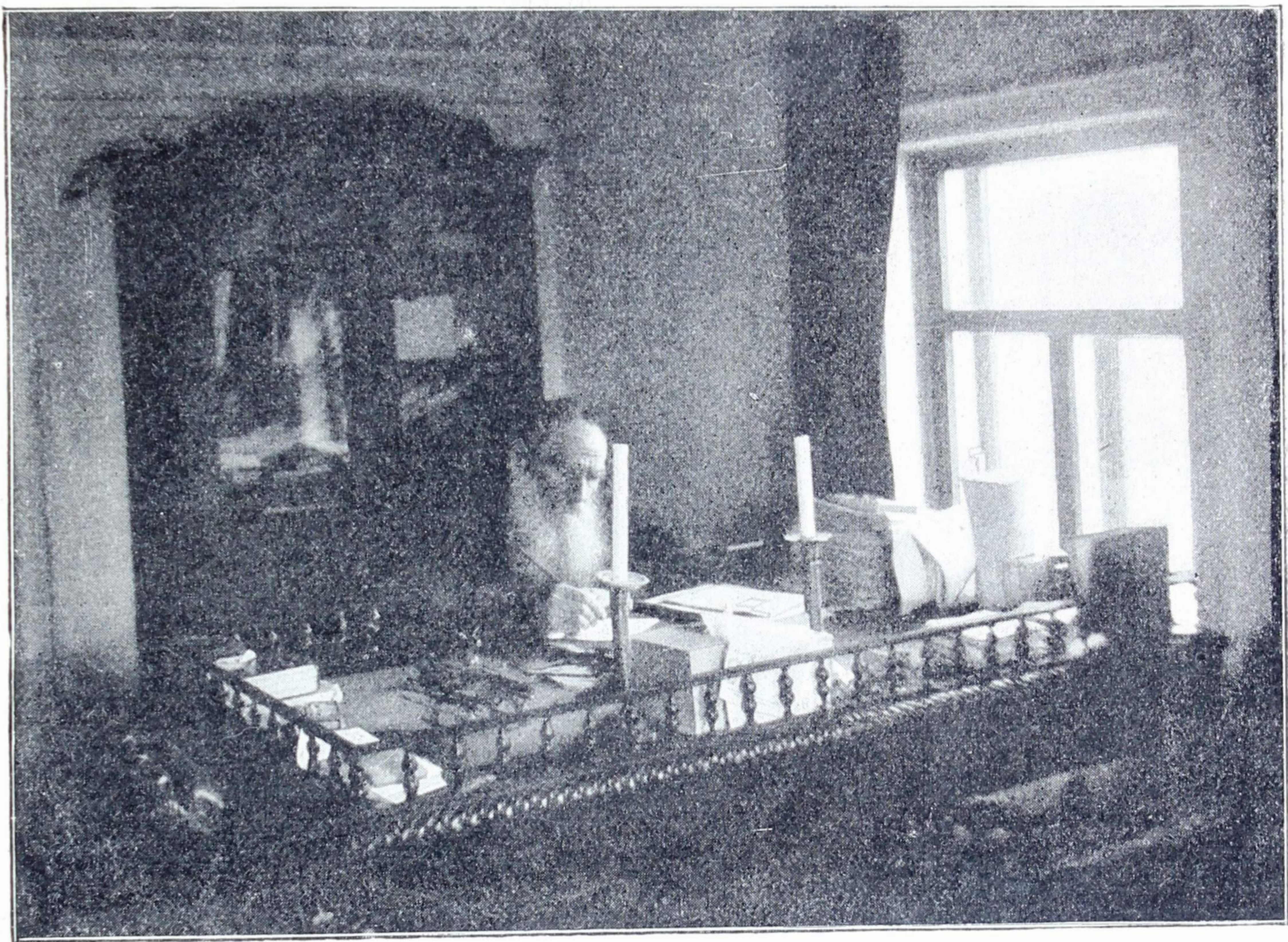
На площадкѣ широкой лѣстницы съ однимъ загибомъ насъ встрѣтила одна изъ дочерей Льва Николаевича. Она непринужденно, какъ съ хорошими знакомыми, поздоровалась съ нами и повела чрезъ большой залъ, гдѣ сидѣло нѣсколько дамъ и мужчинъ. Изъ залы мы вошли въ узкій коридоръ, спустились на нѣсколько ступеней и очутились въ небольшой низкой комнатѣ съ желѣзною трубой, тянувшеюся подъ потолкомъ. Устройство этой трубы принадлежитъ одному изъ знакомыхъ Л. Толстого; особенность ея заключается въ томъ, что она при помощи одной лампы отлично вентилируетъ и отчасти согрѣваетъ рабочій кабинетъ.

Левъ Николаевичъ сидѣлъ у небольшого письменнаго стола, поджавъ подъ себя ногу, и что-то писалъ при свѣчѣ. При нашемъ появленіи онъ всталъ и началъ привѣтливо здороваться, поднимая иногда высоко руку и мягкимъ движеніемъ опуская ее; затѣмъ онъ усадилъ насъ и заговорилъ о лежавшей передъ нимъ раскрытой книгѣ, которую онъ читалъ послѣ обѣда. Это была новая французская книга о социальныхъ вопросахъ. Она нравилась ему по слогу и по нѣкоторымъ отдѣльнымъ мыслямъ, но въ общемъ не удовлетворяла его. И онъ началъ пояснять, почему именно она не удовлетворяетъ его.

Въ кабинетѣ отъ одной свѣчи было темновато, и углы тонули въ сумракѣ. Я невольно окидывалъ взглядомъ комнату, гдѣ возникло и создалось столько безсмертныхъ образовъ.

Это была небольшая, почти квадратная комната безъ всякихъ украшеній, съ низкимъ потолкомъ и широкими окнами, выходившими въ садъ. Возлѣ одного окна стоялъ небольшой простенькій столъ съ бумагами и книжный шкафъ наполовину пустой.

Библіотека Льва Николаевича находится въ Ясной Полянѣ, въ Москвѣ же онъ держитъ только справочныя книги, касающіяся того предмета, надъ которымъ онъ работаетъ. Въ другомъ углу кабинета стоялъ широкій диванъ, обитый клеенкой, около дивана небольшой круглый столъ и нѣсколько креселъ. Вотъ и все убранство кабинета, напоминавшего своею простотой рабочую комнату Паскаля, къ которому Л. Толстой вообще относится съ глубокимъ уваженіемъ и во многомъ напоминаетъ французскаго философа, какъ со стороны привычекъ, такъ и въ области мышленія.

*Л. Н. Толстой за работой въ своемъ московскомъ кабинетѣ.
Съ фот. П. Преображенскаго (1898 г.).*

Нѣкоторое время я никакъ не могъ оріентироваться, на какой высотѣ отъ земли мы находимся, потому что путь къ кабинету былъ довольно сложный.

Впослѣдствіи я узналъ, что кабинетъ Льва Николаевича находится какъ бы между небомъ и землею. Дѣло въ томъ, что когда, въ началѣ 80-хъ годовъ, шла перестройка всего дома, то Левъ Николаевичъ не хотѣлъ отдавать свой кабинетъ въ жертву богу роскоши, увѣряя графиню, что многіе полезнѣйшіе дѣятели

живутъ и работаютъ въ несравненно худшихъ помѣщеніяхъ, чѣмъ онъ. Кабинетъ былъ оставленъ въ прежнемъ видѣ, но это испортило боковой фасадъ дома, выходящій въ садъ. Зато въ отношеніи тишины и спокойствія кабинетъ только выигралъ. Удаленный отъ уличнаго шума и жилыхъ комнатъ, онъ всегда полонъ тишины, располагающей къ размышленію. Въ большомъ старомъ саду, куда выходятъ окна кабинета, зимою

Л. Н. Толстой на каткѣ въ саду въ Москвѣ (1898 г.).

устанавливается катокъ и тамъ же имѣется, между прочимъ, колодезь съ чистою хорошою водою, откуда Левъ Николаевичъ, за неимѣніемъ подъ руками другой физической работы, качаетъ воду и подвозитъ въ бочкѣ для домашнихъ надобностей.

Левъ Николаевичъ былъ въ отличномъ расположеніи духа. На его незакрытыхъ усами и красиво очерченныхъ губахъ поминутно скользила улыбка, сопровождаемая юмористическими вставками.

До знакомства съ нимъ я, по его портретамъ, всегда считалъ Л. Н. Толстого человѣкомъ замкнутымъ въ себѣ и нѣсколько мрачнымъ. Это невѣрно. Онъ очень общителенъ, разговорчивъ, любитъ шутку, высоко цѣнить юморъ и охотно прибѣгаетъ къ нему.

Во время бесѣды въ кабинетъ вошла одна изъ дочерей Льва Николаевича и сказала:

— Папа, пріѣхалъ Владимиръ Соловьевъ и ждетъ тебя, чтобы прочесть свою новую статью.

Левъ Николаевичъ поднялся и обратился къ намъ:

— Не уходите, пока я приду. Вотъ новые журналы... Вотъ интересная рукопись одного простого рабочаго... А я пойду слушать чепуху, которую написалъ Соловьевъ.

Меня удивило предсказаніе Льва Николаевича относительно статьи Соловьева, котораго я считалъ однимъ изъ выдающихся русскихъ мыслителей.

Минуть черезъ 40 Левъ Николаевичъ вернулся въ сопровожденіи двухъ новыхъ посѣтителей и былъ замѣтно возбужденъ, напоминая собою человѣка, вырвавшагося изъ неволи.

— Я такъ и думалъ,—началъ онъ нѣсколько раздосадованнымъ тономъ,—что Соловьевъ угоститъ насъ чепухой. Но его новая чепуха ужъ совершенно ни съ чѣмъ несообразная. А между тѣмъ видно, что онъ затратилъ на нее не мало усилій и ума.

У двери послышался шелестъ платья, и въ кабинетъ вошла легкою и быстрою походкой жена Льва Николаевича, графиня Софья Андреевна. Она пришла, чтобы пригласить гостей своего мужа наверхъ, къ «большому» чаю, который назывался такъ въ отличіе отъ «дѣтскаго» чая.

Графиня Софья Андреевна, урожденная Берсъ, на 16 лѣтъ моложе своего мужа. Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, ей было 48 лѣтъ. Несмотря на то, что у графини было 13 душъ дѣтей, она на видъ еще очень моложава и полна жизни. У нея открытое, выразительное лицо съ живыми глазами, которые она постоянно приближаетъ къ предметамъ, на которые смотритъ. Съ первыхъ же ея словъ въ ней чувствуется непосредственная натура. Въ обращеніи ея нѣтъ и тѣни поджатыя подъ чей-нибудь тонъ, а постоянно слышится своя собственная нотка.

Она радушно пригласила всѣхъ къ чаю и, оживленно разговаривая съ А-вой о какомъ-то хозяйственномъ вопросѣ, повела насъ наверхъ.

Гр. С. А. Толстая.

Большой высокій залъ, въ который мы вошли, былъ также безъ всякихъ украшеній. Почти посрединѣ комнаты стоялъ длинный широкій столъ, накрытый бѣлою скатертью (приготовленный для чая), и рядъ стульевъ. У входа въ залъ съ правой стороны стояли рояль и небольшой диванъ съ овальнымъ столомъ. Вся мебель старинная, красного дерева. Вотъ и все убранство. Не было ни картинъ, ни ковровъ, ни мягкой мебели.

Но комната не казалась пустой или запущенной. Скорѣе чувствовалась [во всемъ] какая-то неуловимая благородная простота. Ничто ни съ какой стороны не выступало угломъ и не металось въ глаза. Напротивъ, и обстановка, и хозяева, и гости—все имѣло какой-то особенный непринужденный и безыскусственный характеръ.

Въ концѣ стола шумѣлъ никелированный самоваръ и стояли чашки, сливки, сухое печенье. Изъ сосѣдней комнаты слышались молодые голоса, взрывы смѣха и звуки струнныхъ инструментовъ.

19344

Гр. Л. Н. Толстой со своею семьей въ Ясной Полянѣ (1892 г.) Съ фот. Шереръ и Набогольцъ.
1) Михаилъ, 2) Левъ Николаевичъ, 3) Ваня, 4) Левъ, 5) Александръ, 6) Андрей, 7) Татьяна Львовна, 8) гр. Соф. Андреевна, 9) Марія Львовна.

У Толстыхъ очень большая семья и огромный кругъ знакомства. Въ описываемое время семья Льва Николаевича состояла изъ 6 сыновей и 3 дочерей. Молодое поколѣніе постоянно стягивало вокругъ себя своихъ товарищей, родственниковъ и подругъ, вслѣдствіе чего въ домѣ у Толстыхъ всегда получалось такое впечатлѣніе, какъ будто у нихъ назначенъ любительскій спектакль, и цѣлое сѣорище молодежи готовится къ ожидаемому событію, наполняя весь домъ шумнымъ оживленіемъ, въ которомъ иногда принимаетъ дѣятельное участіе и Левъ Николаевичъ. Особенно если возникаетъ какая-нибудь забава, требующая движенія, выносливости или проворства, тогда Л. Н. поминутно будетъ поглядывать на играющихъ и участвовать душою въ ихъ удачахъ и неудачахъ; часто онъ и самъ не выдерживаетъ и вмѣшивается въ игру, обнаруживая при этомъ еще столько молодого жара и мускульной гибкости, что часто даже завидно дѣлается, когда глядишь на него. Кромѣ этого, у Л. Н. Толстого есть еще одна характерная особенность: что бы ни дѣлалъ онъ, бѣгаетъ ли взапуски съ молодежью, тачаетъ ли сапоги, или ѣдетъ на велосипедѣ, онъ никогда, ни въ какомъ положеніи *не бываетъ смѣшонъ*.

Познакомивъ насъ съ гостями, Левъ Николаевичъ направился въ уголъ къ овальному столу. Его появленіе вызвало замѣтное оживленіе и, какъ магнитомъ желѣзо, начало притягивать къ нему. Графиня сѣла за самоваръ и, оживленно бесѣдуя, наливала чай въ широкія, толстыя чашки.

Левъ Николаевичъ чаю не пилъ, а попозже ѣлъ жидкую овсянку, которая замѣняетъ ему и чай и ужинъ. Онъ былъ уже не тотъ, что въ кабинетѣ. Пріятность и веселость какъ бы соскочили съ него и казалось, что онъ даже нѣсколько постарѣлъ, пока дошелъ изъ кабинета въ залъ. Когда онъ утомляется или бываетъ чѣмъ-нибудь недоволенъ, щеки у него вваливаются и лицо принимаетъ нѣсколько мрачный характеръ, который преимущественно и передается на портретахъ.

Одинъ изъ присутствующихъ отъ кого-то слышалъ, будто Л. Н. хочетъ опять приняться за своихъ *Декабристовъ*, и спросилъ его объ этомъ.

— Нѣтъ, я навсегда оставилъ эту работу,—отвѣтилъ Левъ Николаевичъ неохотно.

Наступила пауза.

— ...потому что не нашелъ въ ней того, чего искалъ, т.-е. общечеловѣческаго интереса. Вся эта исторія не имѣла подъ

Л. Н. Толстой въ яснополянскомъ саду.

Съ фот. П. Бирюкова (1896 (?) г.).

собою корней,—добавилъ онъ съ оттѣнкомъ усилія въ голосъ, чтобы только устранить неловкость молчанія.

Онъ не любитъ, когда его начинаютъ исповѣдывать относительно его плановъ.

Впослѣдствіи я узналъ, что *Войну и миръ* онъ написалъ какъ бы случайно, въ видѣ вступленія къ *Декабристамъ*. Произошло это такимъ образомъ. Задумавши писать *Декабристовъ*, онъ началъ изучать эпоху, предшествующую ихъ дѣятельности, и ради этого даже познакомился съ знаменитымъ Ермоловымъ и былъ у него. Событія 1805-го года и отечественная война 12-го года приковали къ себѣ художественное чутье великаго писателя. Онъ началъ группировать нѣкоторые эпизоды и какъ бы склеивать ихъ фактами изъ своей семейной хроники.

И чѣмъ больше углублялся «взыскательный художникъ» въ изученіе историческихъ матеріаловъ, тѣмъ больше расширялся планъ его новой работы, которая, наконецъ, завладѣла имъ и взяла у него 5 лѣтъ напряженного умственного труда. Но то, что напечатано Львомъ Толстымъ, представляетъ собою только небольшую часть задуманной и написанной имъ работы. Всѣ черновики *Войны и мира* чуть не погибли. Во время тяжелой и продолжительной болѣзни гр. Софьи Андреевны бумаги были, по небрежности домашнихъ лицъ, выброшены изъ кладовой и пролежали нѣсколько мѣсяцевъ въ канавѣ. Только благодаря напряженной энергіи графини С. А. Толстой, драгоценные документы были собраны, приведены въ порядокъ и теперь находятся въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ.

Послѣ *Декабристовъ* разговоръ перешелъ на другой неоконченный романъ Л. Н. Толстого — *Петръ Великій*. Работу эту Левъ Николаевичъ совершенно оставилъ.

— Многое оказалось для меня въ этомъ дѣлѣ слишкомъ смутнымъ и отдаленнымъ, — сказалъ онъ. — *Декабристовъ* нѣкоторыхъ я все-таки зналъ лично и могъ пользоваться ихъ указаніями. Тутъ же пришлось бы очень ужъ многое сочинять. Главное же — изученіе источниковъ совершенно измѣнило мой взглядъ на Петра I. Онъ утратилъ для меня прежній интересъ.

Одинъ изъ присутствующихъ коснулся послѣ-декабрьской освободительной эпохи и заговорилъ о братьяхъ Аксаковыхъ, Катковѣ, Грановскомъ, Герценѣ и др., которыхъ всѣхъ Л. Н. Толстой зналъ лично. При имени Герцена Левъ Николаевичъ

оживился и рассказалъ, какъ видѣлся съ нимъ въ Лондонѣ. Установилось мнѣніе, будто Л. Толстой не признаетъ въ Герценѣ литературнаго дарованія. Это не вѣрно. Напротивъ, именно литературный даръ Герцена и цѣнить-то Л. Н. очень высоко. И когда вопросъ коснулся этого, то въ усталомъ голосѣ Льва Николаевича вдругъ зазвучала горячая и юношески-свѣжая нотка, появляющаяся всегда у него, когда онъ говорить о какомъ-нибудь истинномъ дарованіи или о прекрасномъ поступкѣ.

— Если бы выразить въ процентныхъ отношеніяхъ,—сказалъ онъ,—вліяніе нашихъ писателей на общество, то получилось бы приблизительно слѣдующее: Пушкинъ 30%, Гоголь 15%, Тургеневъ 10%...

Л. Н. Толстой перечислилъ всѣхъ выдающихся русскихъ писателей, кромѣ себя и, отчисливъ на долю Герцена 18%, съ убѣжденностью сказалъ:

— Онъ блестящъ и глубокъ, что встрѣчается очень рѣдко.

Къ нашему столу подошелъ молодой художникъ. Левъ Николаевичъ заговорилъ съ нимъ объ его работахъ и перешелъ на живопись, отъ которой требовалъ не букетовъ и амуровъ, а служенія высшимъ запросамъ человѣческаго духа. Л. Н. скоро вошелъ въ страстный тонъ и началъ горячо говорить, быстро завязывая при этомъ и развязывая какой-то шнурокъ, попавшійся ему въ руки. Кто-то упомянулъ о большой картинѣ одного московскаго художника.

— Ну, вотъ, хотя бы эта картина!—сказалъ, возбуждаясь, Левъ Николаевичъ.—Кому нужна эта грубая мазня, отъ которой такъ и вѣть кнутомъ? Не выношу я подобныхъ «рассейскихъ» произведеній. И зачѣмъ эти глупыя рожи? Кто же этого не знаетъ, что глупыя рожи бываютъ на свѣтѣ? А вѣдь искусство всегда должно говорить что-нибудь новое, потому что оно есть выраженіе внутренняго состоянія художника и только тогда осуществляетъ свое назначеніе, когда художникъ даетъ намъ нѣчто такое, чего никто еще раньше не давалъ и чего никакимъ инымъ способомъ нельзя лучше выразить. Вотъ *Христосъ передъ Пилатомъ* Ге — это настоящее искусство, хотя картина и плохо написана. Но никто до Ге такъ не говорилъ

этого и никакимъ другимъ способомъ нельзя сказать это такъ, какъ сказалъ Ге своимъ замученнымъ Христомъ и сытымъ, упитаннымъ Пилатомъ. И всегда и вездѣ Христы и Пилаты были и будутъ именно такіе. И посмотрите, какъ работаетъ Ге надъ своими сюжетами! Онъ десятки лѣтъ изучаетъ жизнь Христа, да не съ внѣшней палестинской стороны, какъ другіе, а съ внутренней. Придешь бывало ночью къ нему, а онъ сидитъ съ своими взвѣшенными висками на диванѣ и читаетъ Евангеліе. Да иначе и нельзя. Вѣдь искусство—огромное, могущественное средство...

Молодой художникъ, видимо, былъ не вполне согласенъ со Львомъ Николаевичемъ и осторожно началъ проводить ту мысль, что въ живописи важно не *что*, а *какъ*.

— Вѣдь вы признаете же, Левъ Николаевичъ, молитву?—нерѣшительно спросилъ онъ.

— Конечно.

— Ну, вотъ. И для художника его картина тоже можетъ быть молитвой. Только одинъ выражаетъ ее въ историческомъ сюжетѣ, другой — въ фантастическихъ образахъ, третій — въ пейзажѣ, всякій—въ чемъ можетъ...

— Тогда и обои надо причислять къ искусству,—прервалъ Левъ Николаевичъ, дѣлая петлю изъ шнура.

— Но признаете же вы, что извѣстный пейзажъ можетъ облагораживающе подѣйствовать на душу человѣка? Значитъ, онъ можетъ подѣйствовать на его душу и въ передачѣ и можетъ заронить въ немъ доброе чувство или помѣшать ему исполнить что-нибудь дурное...

— Что же изъ этого? И кошка, спрыгнувшая со стола на полъ, можетъ помѣшать чему-нибудь,—возразилъ несговорчиво Левъ Николаевичъ и перешелъ на характеристику условій, создающихъ что-то въ родѣ *лжеискусства*, которое людямъ вовсе не нужно.

— Нынче, вѣдь, куда ни пойдѣ,—сказалъ онъ,—въ книжный магазинъ, въ посудный, въ ювелирный, вездѣ искусство. И не какое-нибудь любительское искусство, а патентованное, съ дипломами и золотыми медалями. Пойдите въ театръ—тамъ опять искусство: какая-нибудь госпожа ноги выше головы задираетъ. И эта гадкая глупость не только не считается неприлич-

нымъ дѣломъ, а, напротивъ, возводится въ нѣчто первосортное и настолько важное для людей, что этому спорту отводится въ газетахъ даже постоянное мѣсто, на ряду съ величайшими міровыми событіями. Нѣкоторые же органы печати имѣютъ еще для этого и постоянныхъ цѣнителей, которые часто ночью, прямо изъ театра, ѣдутъ въ типографію и тамъ немедленно, при грохотѣ машинъ, пишутъ свои впечатлѣнія, поспѣвая, дабы міръ завтра могъ уже знать, какъ именно вчера такая-то госпожа въ такомъ-то театрѣ ноги вверхъ задирала.

— Но все это, Богъ дастъ, просѣется временемъ и въ результатѣ получится добрая питательная мука,—замѣтилъ кто-то изъ присутствующихъ.

— Зачѣмъ же мнѣ ждать? — возразилъ Левъ Николаевичъ. — Я и теперь чувствую, что на моихъ зубахъ песокъ. Бѣда въ томъ, что не видно конца этому, потому что съ каждымъ днемъ ложь искусственно создается въ лицѣ различныхъ музыкальных и художественныхъ школъ, уродующихъ тысячи молодыхъ жизней. Между тѣмъ безъ этихъ разсадниковъ всякой фальши и рутины молодая жизнь могли бы приносить пользу людямъ. И когда я вижу юношу или дѣвушку съ дипломомъ или съ медалью за выдающіеся успѣхи, то я ужъ знаю, что тутъ надо оставить всякую надежду. Передо мною исправно заведенная машинка и только.

— Ну, хорошо, Левъ Николаевичъ, — сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ, — допустимъ, что существующія въ Россіи музыкально-художественныя учрежденія дѣйствительно не приносятъ особенной пользы. Допустимъ это и мысленно уничтожимъ ихъ. Какія же учрежденія вы дадите намъ вмѣсто тѣхъ, негодныхъ?

— Вотъ странная претензія! — удивленно проговорилъ Левъ Николаевичъ, пожавъ плечами. — Это все равно, что ко мнѣ пришелъ бы больной съ... флюсомъ. Флюсъ стѣсняетъ его. Флюсъ ему въ тягость. Я вылѣчиваю его отъ флюса. Тогда онъ обращается ко мнѣ и спрашиваетъ: «А что же вы дадите мнѣ вмѣсто флюса?» Да, ничего не нужно вмѣсто флюса.

Всѣ разсмѣялись.

Въ залъ непринужденно вошелъ студентъ съ умнымъ, симпатичнымъ лицомъ и учтиво поклонился Льву Николаевичу.

Л. Н. дружески поздоровался съ нимъ и познакомилъ съ нами. Студентъ пришелъ изъ какого-то собранія, гдѣ кто-то что-то читалъ о недавно умершемъ французскомъ писателѣ Тэнѣ. Левъ Николаевичъ заинтересовался рассказомъ студента, но когда тотъ началъ съ нѣкоторымъ пафосомъ говорить о великихъ заслугахъ Тэна, Левъ Николаевичъ прервалъ его:

— Какія же такія его великія заслуги? Вѣдь если говорить правду, попросту, по-русски, то Тэнъ былъ человѣкъ довольно-таки тупой.

Студентъ встрепнулся, но сдержалъ себя и съ улыбкой проговорилъ:

— То-есть вы хотите сказать, Левъ Николаевичъ, что Тэнъ былъ ограниченъ по нѣкоторымъ вопросамъ?

— Я хочу сказать именно то, что я сказалъ: что Тэнъ былъ ограниченный человѣкъ, иначе нельзя объяснить его стараній свести въ исторіи человѣчества вліяніе человѣка почти на нуль, а главную роль предоставить различнымъ факторамъ, въ родѣ воды, глины и проч. Развѣ это не глупость? А Будда! А Христосъ! Развѣ они не измѣнили формъ жизни миллионовъ людей!? Вѣдь прогрессировать можетъ не глина и вода, а только живая жизнь, руководимая духомъ, распространяющимъ въ преемственномъ видѣ свое вліяніе на отдаленнѣйшіе вѣка и поколѣнія...

Студентъ слушалъ Льва Николаевича почтительно, заложивъ одну руку за бортъ сюртука, но, видимо, былъ не вполне согласенъ съ нимъ. При послѣднихъ словахъ Л-а Н-а студентъ слегка наклонился и сказалъ:

— Но антропология доказываетъ...

— Что можетъ доказывать антропология, которую самое еще надо доказать! Ее выдумали, чтобы больше получать жалованья.

— Вы отрицаете...

— Жалованье? И не думаю.

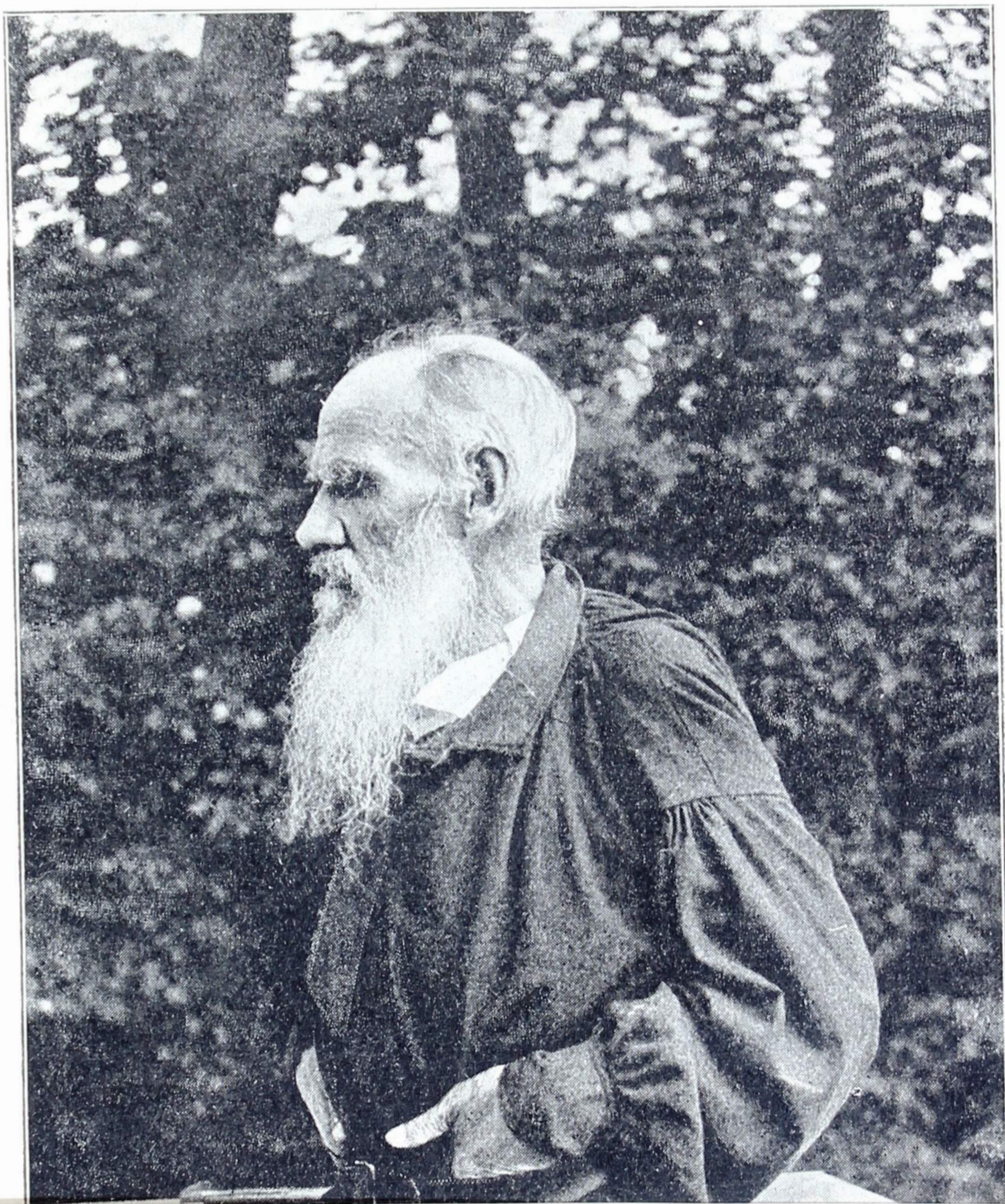
— Но антропология взята вѣдь не изъ головы, а выведена изъ фактовъ, добытыхъ учеными изслѣдователями...

— Какіе факты? Подѣдетъ изслѣдователь къ берегу, спросить черезъ глупаго толмача, какіе тамъ у нихъ порядки,

тотъ все перевереть, а изслѣдователь старательно запишетъ и кое-что еще добавить отъ себя.

Студентъ началъ слегка волноваться.

Я смотрѣлъ на Льва Николаевича, и предо мной какъ бы раскрывались тѣ бурныя сцены на квартирѣ Некрасова, которыя происходили въ 50-хъ годахъ, когда молодой, горячій гр. Л. Толстой, являя собою живое олицетвореніе Чацкаго, игралъ въ пещерахъ и на поляхъ Олуты, и благодарилъ ихъ за доставленное удо-

тербургскихъ литературныхъ кружкахъ роль овода и выражалъ въ самой рѣзкой формѣ свои протесты противъ всего, что казалось ему условнымъ и фальшивымъ.

«— Вы себѣ представить не можете, какія тутъ были сцены,—разсказываетъ Д. В. Григоровичъ.—Ахъ, Боже мой! Тургеневъ пищитъ-пищитъ, зажметъ рукою горло и съ глазами умирающей газели прошепчетъ:

«— Не могу больше... У меня бронхитъ...

«— Бронхитъ,—ворчитъ Толстой вслѣдъ,—бронхитъ—воображаемая болѣзнь... бронхитъ, это—металлъ»...

У Некрасова душа замираетъ: онъ боится упустить и Тургенева и Толстого, въ которомъ чувствуетъ капитальную силу *Современника*. Приходится лавировать. Всѣ взволнованы. Не знаютъ, что говорить. Толстой лежитъ въ средней проходной комнатѣ на сафьяновомъ диванѣ и дуется, а Тургеневъ, раздумывая надъ своимъ короткимъ пребываніемъ, былъ человекъ довольно-таки тупой.

Студентъ востропнулся, но сдержалъ себя и съ улыбкой проговорилъ:

— То-есть вы хотите сказать, Левъ Николаевичъ, что Тэнъ былъ ограниченъ по нѣкоторымъ вопросамъ?

— Я хочу сказать именно то, что я сказалъ: что Тэнъ былъ ограниченный человекъ, иначе нельзя объяснить его стараній свести въ исторіи человечества вліяніе человека почти на нуль, а главную роль предоставить различнымъ факторамъ, въ родѣ воды, глины и проч. Развѣ это не глупость? А Будда! А Христосъ! Развѣ они не измѣнили формъ жизни миллионовъ людей!? Вѣдь прогрессировать можетъ не глина и вода, а только живая жизнь, руководимая духомъ, распространяющимъ въ преемственномъ видѣ свое вліяніе на отдаленнѣйшіе вѣка и поколѣнія...

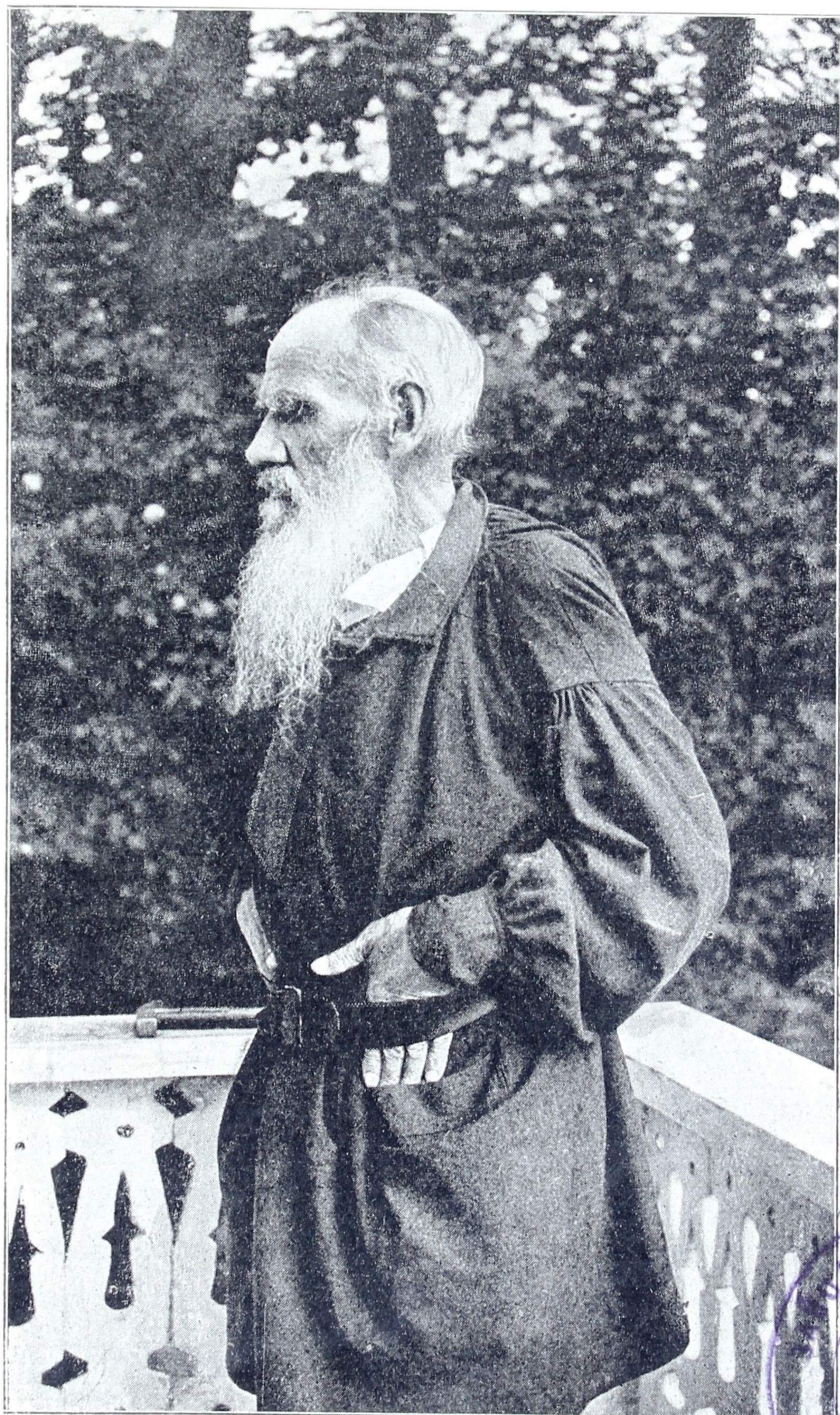
Студентъ слушалъ Льва Николаевича почтительно, заложивъ одну руку за бортъ сюртука, но, видимо, былъ не вполне согласенъ съ нимъ. При послѣднихъ словахъ Л-а Н-а студентъ слегка наклонился и сказалъ:

— Но антропология доказываетъ...

— Что можетъ доказывать антропология, которую самое ещѣ вѣтеръ. Это свойство его природы. Оно даетъ огромную силу Льву Толстому, но въ то же время создаетъ ему и внутренній адъ, предъ которымъ должна поблѣднѣть душевная трагедія, переживаемая Гамлетомъ...

Къ Льву Николаевичу подошла графиня Софья Андреевна и вполголоса сказала, что нѣкоторые изъ гостей желаютъ заняться музыкой. Левъ Николаевичъ съ живостью всталъ, бросилъ шнурокъ и, какъ бы скользя по льду, поспѣшно напра-

вился къ большому столу. Узнавши, что предполагается сначала сыграть Венявскаго (фортепіано и скрипка), а потомъ Бетховена (фортепіано, скрипка и віолончель), онъ началъ хлопотать, чтобы поскорѣе все устроить: отыскивалъ ноты, помогаль поднять крышку рояля, и когда все устроилось, сосредоточенно усѣлся въ сторонкѣ и со вниманіемъ слушалъ музыку. По окончаніи всякой пьесы онъ поднимался и, заложивъ руки за поясъ блузы, подходилъ съ наклоненнымъ впередъ туловищемъ къ исполнителямъ, благодарилъ ихъ за доставленное удо-

Съ фот. гр. С. А. Толстой (1901 г.).

вольствіе и дѣлалъ тонкія замѣчанія по поводу наиболѣе удавшихся мѣстъ.

И глядя на этого деликатнаго и хорошо воспитаннаго человека, въ каждомъ словѣ котораго просвѣчивала чуткость, трудно было представить себѣ въ немъ запальчиваго протестанта, лежащаго съ раздувающимися ноздрями на диванѣ и не желающаго ни на іоту уступить одному изъ самыхъ добрейшихъ людей на свѣтѣ.

Л. Н. Толстой, Д. Григоровичъ, И. Гончаровъ, И. Тургеневъ, И. Дружининъ, А. Островскій. (Снимокъ съ оригинала, хранящагося въ Ясной Полянѣ).

Похвалы Льва Николаевича доставляли исполнителямъ большое удовольствіе, и они съ замѣтною готовностью исполняли по его просьбѣ еще нѣкоторыя пьесы. Дѣлалъ ли это Л. Н. для того, чтобы доставить гостямъ удовольствіе, или для того, чтобы отдохнуть хоть немного отъ утомительныхъ бесѣдъ, или подчинялся страсти къ музыкѣ,—кто знаетъ? Быть-можетъ, всѣ эти причины сплетались у него вмѣстѣ. Но онъ слушалъ музыку сосредоточенно, со вниманіемъ, наклонивъ голову и тихо шевеля пальцами сложенныхъ рукъ.

III.

Недѣли черезъ 3 мнѣ пришлось опять быть у Толстыхъ. Опять у нихъ было много гостей, и опять послѣ чаю началось нѣчто въ родѣ концертнаго отдѣленія. Пѣла одна дама. Но мальчикамъ, видимо, пріѣлось пѣніе. Они перешли въ смежную комнату и подняли тамъ шумъ. Левъ Николаевичъ не вытерпѣлъ и пошелъ къ мальчикамъ.

— Вы нарочно шумите? — спросилъ онъ.

Послѣ нѣкоторой заминки послѣдовалъ утвердительный отвѣтъ:

— Д-да...

— Вамъ не нравится ея пѣніе?

— Ну да. Зачѣмъ она воетъ?—заявилъ съ досадою одинъ изъ мальчиковъ.

— Такъ значитъ ты желаешь протестовать противъ ея пѣнія? Да?—спросилъ серьезнымъ тономъ Левъ Николаевичъ.

— Да!

— Тогда выйди и скажи это или стань на середину и... на всю комнату. Это будетъ грубо, но прямо и честно. А то собрались и, какъ сверчки, пищать изъ-за угла. Терпѣть не могу подобныхъ протестовъ.

Протестантъ, однако, не послѣдовалъ совѣту Льва Николаевича, а только прыснулъ со смѣху и притихъ. Но чрезъ нѣкоторое время онъ поставилъ втупикъ и Льва Николаевича. У овальнаго стола зашелъ вопросъ о различныхъ періодахъ жизни, имѣющихъ, какъ времена года, свои особенности. Левъ Николаевичъ сказалъ, что дѣлитъ жизнь на четыре періода, при чемъ четвертый періодъ считаетъ періодомъ мудрости.

— А ты, папа, уже дошелъ до мудрости?—спросилъ съ ехидствомъ юный протестантъ.

Левъ Николаевичъ замялся, затѣмъ улыбнулся и сказалъ:

— Нѣтъ еще... осталось нѣсколько лѣтъ.

Отъ вопросовъ о жизни перешли на современную музыку. Левъ Николаевичъ началъ страстно доказывать, что современная музыка не даетъ мелодій и идегъ къ упадку. А всѣ сим-

фоническіе вечера съ ихъ накрахмаленными слушателями — только мода и фальшь. Если бъ у кого-нибудь хватило духу въ минуту музыкальнаго остолебѣнія заиграть вдругъ на одномъ изъ симфоническихъ вечеровъ камаринскую, то всѣ сразу душою ожили бы. И это понятно почему: камаринская выражаетъ извѣстное состояніе сердца, а современная музыка ничего не выражаетъ, кромѣ скуки.

— Однажды мнѣ въ Оренбургѣ, — сказалъ Левъ Николаевичъ, — пришлось слышать, какъ одна башкирка ѣхала верхомъ и пѣла. Я ничего не понималъ изъ ея словъ. Но пѣсня ея подѣйствовала на меня, потому что она была непосредственнымъ выраженіемъ ея души. И всякую, чисто народную пѣсню пойметъ другой народъ. Современная же — порченная — музыка требуетъ исключительныхъ слушателей и существуетъ только для сытыхъ. Поэтому она меня и отталкиваетъ.

— А Вагнеръ? А *Зигфридъ*? — спросилъ кто-то изъ присутствующихъ.

Л. Н. Толстой нахмурился.

— Это даже и не музыка!

— А что же?

— Это — иллюстрація. «Тра-та-та!» — это значитъ барабаникъ. «Ту-ту-ту!» — это ужъ непременно труба, и т. д. Выси-дѣть нѣсколько часовъ среди этихъ примитивныхъ и однообразныхъ звуковъ — своего рода пытка. Точно въ домѣ умалишенныхъ находишься. И когда попадается, наконецъ, нѣсколько тактовъ настоящей музыки, то отдыхаешь, какъ въ оазисѣ среди пустыни.

Одинъ изъ присутствующихъ музыкантовъ началъ возражать Льву Николаевичу:

— Но согласитесь, Левъ Николаевичъ, что Вагнеръ увеличилъ средства оркестра и имѣлъ огромное вліяніе на современную музыку...

— Вотъ это-то и плохо, что онъ имѣлъ огромное вліяніе, — возразилъ горячо Левъ Николаевичъ. — Это не движеніе музыки впередъ, а вырожденіе ея, паденіе искусства. И вы меня извините, а я такъ ужъ рѣшилъ про себя, что восхищаться Вагнеромъ можно только, притупивши вкусъ къ изящ-

ному. Зачѣмъ я буду ѣсть хлѣбъ съ пескомъ или за минутное музыкальное удовольствіе платить цѣлыми часами томительной скуки...

Оппонирующій музыкантъ не уступалъ Льву Николаевичу и началъ ему возражать, но не всегда умѣлъ воплощать свои опредѣленные мысли въ опредѣленные формы. Левъ Николаевичъ очень легко его разбивалъ оригинальными, яркими аргументами. Но мнѣ показалось, что въ страстныхъ нападкахъ Льва Николаевича на современную музыку сказывалось не только его отношеніе къ современной музыкѣ, но и временная нотка возбужденнаго настроенія. Черезъ нѣкоторое время онъ сталъ говорить спокойнѣе и, продолжая развивать свои мысли объ искусствѣ, сказалъ, что въ искусствѣ важно, чтобы *не сказать ничего лишняго*, а только давать рядъ сжатыхъ впечатлѣній. И тогда сильное мѣсто дастъ глубокое впечатлѣніе. И Левъ Николаевичъ образно рассказалъ о недавно видѣнной имъ картинѣ, на которой была изображена опоздавшая собака.

— И такъ это чувствовалось по ея виду, что она бѣжала, что напрягала всѣ силы и преодолевала всѣ препятствія, чтобы захватить своего хозяина. Но прибѣжала... и нѣтъ его.—И голосъ у Льва Николаевича дрогнулъ.

Но никогда Левъ Николаевичъ такъ образно и съ такимъ одушевленіемъ не рассказывалъ, какъ однажды, гуляя въ лѣсу, передавалъ содержаніе только что прочитаннаго имъ романа нѣмецкаго писателя фонъ-Поленца *Крестъянинъ*. Передавъ въ сжатыхъ чертахъ содержаніе романа, Левъ Николаевичъ началъ съ увлеченіемъ говорить о нѣкоторыхъ эпизодахъ въ романѣ. Въ особенности ярко была передана имъ сцена, гдѣ старшій сынъ, Карлъ, возвращается пьянымъ домой, бьетъ жену и въ свалкѣ падаетъ, свѣсивши голову съ кровати. И какъ жена, избитая и оскорбленная, пересиливая боль и самолюбіе, *все-таки подкладываетъ подъ его голову подушку*. Голосъ у Льва Николаевича вдругъ оборвался и нѣкоторое время онъ не могъ говорить отъ волненія. Затѣмъ сказалъ:

— И какъ это все хорошо написано! Какъ все близко нашему народу! И какъ мнѣ досадно, что я до сихъ поръ не написалъ ничего подобнаго...

IV.

Впослѣдствіи я узналъ, что очень рѣдко выпадаетъ такой вечеръ, чтобы у Толстыхъ не было гостей. Они пробовали установить извѣстные дни для пріемовъ. Но это ни къ чему не привело. Въ пріемные дни собирались преимущественно друзья графини Софьи Андреевны, въ остальные же дни, съ семи часовъ вечера, наружная дверь съ упругой пружиной уже начинала попрежнему хлопать и впускать разнообразныхъ посѣтителей Льва Николаевича.

И кто только не былъ въ этомъ небольшомъ деревянномъ домѣ, выкрашенномъ темною охрой! Ученые и писатели, художники и артисты, государственные и финансовые дѣятели, губернаторы, сектанты, земцы, сенаторы, студенты, военные, фабричные рабочіе, крестьяне, корреспонденты всѣхъ цвѣтовъ и націй. Не проходитъ дня зимою, чтобы въ Долго-Хамовническомъ переулкѣ не появилось какое-нибудь новое лицо, ищущее свиданія съ знаменитымъ русскимъ писателемъ.

Но всѣхъ его посѣтителей можно раздѣлить на двѣ главныхъ категоріи: 1) «зрителей», являющихся къ Л. Толстому, исключительно, какъ къ знаменитости, и 2) «обремененныхъ», т.-е. ищущихъ у Льва Николаевича содѣйствія, совѣта, помощи.

«Зрители» въ большинствѣ случаевъ уходятъ отъ Л. Н. Толстого разочарованными и только дѣлаютъ видъ, что въ восторгѣ отъ него. Въ сущности онъ не даетъ имъ того, чего они ищутъ и что онъ могъ бы имъ дать. Будучи идеалистомъ по своимъ воззрѣніямъ, онъ терпѣть, однако, не можетъ праздныхъ разговоровъ и склоненъ только къ дѣловымъ, практическимъ бесѣдамъ.

Обладая острымъ, пронизательнымъ умомъ и обширнымъ жизненнымъ опытомъ, онъ часто съ одного взгляда уже схватываетъ внутреннее содержаніе посѣтителя и сразу или становится съ нимъ на совершенно равную ногу или какъ бы замораживаетъ себя.

Докладываютъ Л. Толстому въ неурочный часъ, что его желаетъ видѣть какая-то пріѣзжая дама. Онъ былъ очень за-

63674

Одинъ изъ обычныхъ вечеровъ въ Москвѣ у гр. Толстыхъ (1898 г.). Съ фот. П. Преображенскаго.
"За большимъ чаемъ".

нять, но все-таки принялъ ее и дѣловымъ тономъ спросилъ, что ей нужно. Увидя его, посѣтительница пришла въ замѣшательство, но пересилила себя и съ рѣшимостью заявила:

— Я прочитала ваше послѣднее произведеніе и остановилась надъ нѣкоторыми мѣстами. Они мнѣ непонятны...

— Вотъ что! — оживившись, сказалъ Левъ Николаевичъ и, пригласивши посѣтительницу къ себѣ въ кабинетъ, проговорилъ съ нею нѣсколько часовъ.

Разстались они друзьями и, говоря о ней, онъ всегда какъ бы освѣщается изнутри. Однажды кто-то сказалъ въ его присутствіи о ней, что ее слѣдуетъ цѣнить на вѣсь золота. Онъ поправилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! Ее надо цѣнить на вѣсь самыхъ драгоценныхъ камней.

Другая посѣтительница пріѣхала къ нему, чтобы предложить въ его распоряженіе свое состояніе. Онъ былъ тронутъ но отъ предложенія уклонился.

— Богъ съ ними, съ такими огромными деньгами! Съ ними непременно запутаешься.

То обращается ко Льву Николаевичу съ горячей просьбой одинъ босякъ, въ рукахъ котораго неожиданно очутилось значительное наслѣдство и просить у Льва Николаевича совѣта, какъ ему лучше употребить деньги. Левъ Николаевичъ даетъ ему совѣтъ отправиться къ нуждающимся въ матеріальной помощи и личнымъ участіемъ и деньгами помочь имъ. Сначала бывшему босяку нравится мысль Льва Николаевича. Но затѣмъ, видимо, деньги успѣли сдѣлать свой реактивъ, и босякъ пишетъ Льву Николаевичу, что *подумаетъ* насчетъ поѣздки къ нуждающимся.

Популярность Л. Н. Толстого создаетъ ему часто и комическія встрѣчи, о которыхъ онъ впослѣдствіи самъ иногда рассказываетъ съ неподражаемымъ юморомъ. Идетъ онъ однажды въ Москвѣ по узкому тротуару, а навстрѣчу ему плетется, пошатываясь, какой-то сильно подвыпившій человѣкъ. Увидѣвши Льва Николаевича, незнакомецъ, какъ бы, заякориваетъ себя и заплетающимся языкомъ спрашиваетъ:

— Графъ Толстой?... д-да?

— Да.

— А я вашъ поклонникъ и подражатель, — говоритъ съ чувствомъ субъектъ и почтительно уступаетъ дорогу своему образцу.

— Очень пріятно, — отвѣчаетъ Л. Н., раскланиваясь.

Въ другой разъ является ко Льву Николаевичу какой-то мѣщанинъ и заявляетъ:

— Мнѣ было бы желательно *перейти въ вѣру ихъ сіятельства*.

Еще забавнѣе появленіе двухъ американокъ. Докладываютъ однажды Льву Николаевичу, что его желаютъ видѣть двѣ американки, пріѣхавшія специально для этого въ Москву. Онъ принимаетъ ихъ и вступаетъ въ бесѣду.

Американки съ апломбомъ заявляютъ, что онѣ совершили нѣчто въ родѣ подвига, а именно: сдѣлали кругосвѣтное путешествіе, выѣхавши изъ Америки въ разныя стороны и уговорившись съѣхаться въ Москвѣ для свиданія «съ великимъ писателемъ земли Русской». И вотъ онѣ достигли намѣченной цѣли и очень довольны, что довели свою миссію до конца. Онъ улыбается и говоритъ:

— Но я думаю, что вы могли бы распорядиться вашимъ временемъ съ большею пользою.

Одна изъ американокъ радостно восклицаетъ:

— Я была убѣждена, что *Лео Толстой* долженъ сказать непременно что-нибудь подобное.

И въ избыткѣ полного удовлетворенія благодарныя посѣтительницы удаляются отъ Л. Н. Толстого.

Другой эпизодъ съ американками произошелъ недавно, — во время болѣзни Льва Николаевича въ Крыму. Въ Ялту прибыла яхта съ американками и съ американцами, которые обратились съ просьбой ко Льву Николаевичу, чтобъ онъ разрѣшилъ имъ посѣтить его. Въ это время Левъ Николаевичъ былъ очень слабъ, и доктора запретили ему всякій усиленный расходъ нервовъ. Въ такомъ приблизительно смыслѣ и былъ посланъ отвѣтъ американцамъ. Но, очевидно, ихъ это не удовлетворило. Они прибыли издали, чтобы видѣть Лео Толстой, и уѣхать имъ безрезультатно не хотѣлось. И они предложили,